

Гендер и жанр (попытка рефлексии)

На настоящий момент в отечественной лингвистике сложилась довольно забавная картина: несмотря на бурное развитие как жанроведения, так и гендерных исследований (вторые, по нашему мнению, переживают своеобразный бум), работ, посвященных гендерному анализу жанров, за исключением редких эпизодических исследований, практически нет [Седов 2002; Слышкин 2002; Дементьев 2004].

На настоящий момент общепринята точка зрения, что *гендер* является общенаучной категорией и принципы гендерного анализа могут быть приложимы к любой из частных наук [Кирилина 2004]. Заметим также, что “универсальность” этой категории позволяет в принципе любые явления языка пропустить через “гендерные линзы”.

Однако по настоящему моменту в социальных науках не существует единого мнения о природе гендера. С одной стороны, его относят к мыслительным конструктам, своеобразным теоретическим моделям, созданным для более точного описания проблем пола с разграничением биологических и социальных функций. С другой стороны, гендер рассматривается как социальный конструкт, который создается обществом с помощью различных социальных институтов, и в т. ч. с помощью языка [там же: 17-18].

В общественных науках существует достаточно много подходов к видению этой категории. В западной научной парадигме гендер рассматривается как:

- социально-демографическая категория;
- социальная конструкция;
- субъективность;
- идеологический конструкт;
- сеть;
- технология;
- культурная метафора [Хрестоматия 2001: 13].

По мнению О.А. Ворониной, на постсоветском пространстве наиболее популярны три теории:

- теория социального конструирования гендера;
- понимание гендера как стратификационной категории наряду с другими стратификационными категориями;
- интерпретация гендера как культурной метафоры [Воронина 2001: 102].

Одна из самых известных гендеристов-историков на постсоветском пространстве Н.Л. Пушкарева справедливо замечает, что *гендерология* как новое направление в гуманитаристике позволяет по-новому переосмыслить важнейшие понятия. Гендерология заставляет рассматривать не пол сам по себе и не взаимоотношения полов (этим уже занимались в прошлом разные гуманитарные науки, в частности этнология). Ее задача – именно исследовать множественность социальных связей в различных контекстах, не упуская при их рассмотрении фактора пола и гендерного взаимодействия [Пушкарева 2004: 36-37]. Н.Л. Пушкарева при описании “загадок” конструирования гендера указывает также, что гендер – это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно избавиться или отказаться [Пушкарева 1999: 171]. Ученая уподобляет категорию “гендера” плащу кентавра Неса. Так, в древнегреческом мифе о гибели Геракла герой надевает на себя плащ кентавра, пропитанный смертельным ядом. Яд проникает в тело героя, причиняя ему нестерпимую боль. В ужасных мучениях он пытается сорвать с себя плащ, но все тщетно. Сорвать его можно только с кожей. С гендером происходит то же самое. От него невозможно отказаться. Он постоянно воспроизводится в структурах сознания, действия и воздействия. По мнению Н.Л. Пушкаревой, “<...> главный вопрос гендерной методологии – это выяснение ресурсов создания гендера”¹ [там же].

Несколько отличается подход к систематизации гендерных исследований А.А. Клёцина, который предлагает различать три направления гендерных исследований:

- гендер как инструмент социологического анализа;
- понимание гендера как инструмента женских исследований;
- гендер как культурологическая интерпретация.

При этом в России, как считает ученый, наиболее распространено социологическое направление исследований [Клёцин 1997: 5-11].

А.В. Кирилина же замечает, что в западной социальной мысли наибольшую известность получили концепции *социального конструктивизма* и *теория интеракционизма* [Кирилина 2004: 18].

Заметим, что в отечественное языкознание понятие *гендер* было введено в научный оборот гораздо позже, чем в других социальных науках – примерно с середины или конца 90-х годов прошлого столетия и приблизительно на 20 лет после того, как это произошло на Западе. В связи с этим видение гендерных проблем в языкознании СНГ несколько отличается от западных подходов [Кирилина 2004].

¹ Из данных, полученных в области социальной психологии, известно, что в первую очередь люди опознают друг друга по полу, а уже потом выделяют другие социобиографические характеристики личности, такие как возраст, расовая принадлежность и пр. [Берн 2002: 105].

Что же касается зарубежной лингвистики, то на современном этапе наиболее популярными являются несколько взглядов на эту категорию:

- подход к гендеру как: *дискурсивной практике* [Wodak (ed.) 1997; Kendall & Tannen 2001; Weatherall 2002: 75-96];
- в т. ч. и в парадигмальных рамках *конверсационного анализа* [Gendered Practices in Language 2002; Weatherall 2002: 105-121];
- рассмотрение гендера как своеобразного предписания, некой *перформативной практики*, когда разграничиваются понятия “перформативность” (*performativity*) и “деятельность” (*performance*). Ключевым для этого разграничения является ответ на вопрос, *что этим хотели сказать, а не сделать*, а не ответ на вопрос, *кто сказал что-то*. Именно в этом направлении наблюдается своеобразное лингвистическое преломление идеи Дж. Батлер о перформативности гендерной субъективности. Особенно много работ в данном ключе выполнено при изучении взаимоотношений категорий сексуальности и языка, а также изучения речи сексуальных меньшинств [Language and Sexuality 2002; Valentine 2002; Cameron & Kulick 2003; Kulick 2004];
- *феминистская лингвистика* (в т. ч. и работы по феминистскому реформированию языка) [Cameron 1985, 1995; Romanie 1996; Pauwels 1998];
- изучение гендерных проблем в предметных рамках *этнометодологии* (*ethnomethodology*), понимая под этнометодологией прежде всего изучение повседневных практик, называемых методическими, которыми члены изучаемого языкового сообщества пользуются для описания окружающего мира и исполнения определенных общественных действий (т. е. своеобразная теория языкового интеракционизма) [Aries 1996; Stokoe, Weatherall 2002];
- работы в области *социолингвистики и социологии языка* по изучению разнообразных проблем, связанных с построением гендерной идентичности (*теория речевого сообщества* (*speech community*), *теория социальной гендерной идентичности* (*social identity theory*), *теория социальных сетей* (*social networks theory*), *теория речевых практик* (*community of practice approach*) [Bergvall 1999; Eckert & McConnell-Ginet 1999; Holmes & Meyerhoff 1999; Gendered Practices in Language 2002; Bucholtz & Hall 2004].

Хотелось бы отметить, что дифференцировать эти направления иногда крайне трудно. Иногда они пересекаются, иногда нет, но в целом под разным углом зрения они изучают отражение пола в языке и специфику мужского и женского поведения [Кирилина 2004: 43]. Предложенное разграничение представляет собой лишь первоначальную попытку создать формализованное описание столь неоднородных исследований, коими являются гендерные исследования в языкознании. Это разграничение, на наш взгляд, является скорее частнолингвистическим и базируется на выделении предметных критериев лингвистических дисциплин: социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, теории дискурса и прочее. Заметим также, что в этом столь разнородном направлении гендер рассматривается не как лингвистическая категория. Однако считается, что ее содержание может быть раскрыто и с помощью анализа единиц языка [Кирилина 2004: 34-35].

Что касается отечественной лингвистической гендерологии, то здесь наиболее изученными являются вопросы:

- теоретического анализа категории гендера, подробно описанные в трудах А.В. Кирилиной и ее школы [Гендер: язык, культура, коммуникация 1999-2003; Гендер как интрига познания 2000; 2002; Кирилина 1999; 2000; 2003; 2004];
- социо- и психолингвистические исследования гендера, в т. ч. анализ гендерной составляющей языкового сознания [Крючкова 1975; Вейлерт 1976; Земская, Китайгородская, Розанова 1993; Горошко 2003; Холод 1997];
- идентификационные и диагностические исследования мужской и женской речи в области судебной лингвистики и теории идентификации [Потапов 1997; Потапова 2001; Гомон 1994; Горошко 1996; Ерофеева 2000].
- изучение номинативной системы языка, в т. ч. мужских и женских наименований, категории рода и связанных с этим проблемы референции [Моисеев 1985; Холод 1994; Демичева 1996; Кронгауз 1996; Еременко 1998];
- лингвокультурологические исследования гендерной компоненты [Каштанова 1997; Малишевская 1999; Зыкова 2002; Слышкин 2002];
- исследования гендерных аспектов коммуникативного поведения, куда с успехом может быть отнесен и гендерный анализ речевых жанров [Стернин 1999; 2001а; Седов 2002; Гетте 2004];
- феминистская лингвистика [Колосова 1996; Щеглова 1998; Першай 2002] и некоторые другие направления.

В последнее время довольно интенсивно гендерный подход развивается в рамках теории межкультурной коммуникации [Кирилина 1999-2004; Халеева 1999; Рябов 2001].

По мнению А.В. Кирилиной, именно внелингвистический статус гендера обусловил своеобразие его изучения: с одной стороны, гендер может стать объектом изучения как в дисциплинарном, так и в междисциплинарном ракурсах. С другой стороны, отдельные области науки в т. ч. и лингвистика могут изучаться в аспекте гендерных особенностей. При этом объектом может выступать любая лингвистическая

категория (синтаксис, лексика, семантика и прочее), а предмет может быть смоделирован через “гендерное преломление” [там же].

А.В. Кирилина также полагает, что гендер является двухкомпонентной структурой, будучи элементом как индивидуального сознания, так и группового. Как элемент индивидуального сознания его необходимо рассматривать “как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, с одной стороны, осознающих себя лицами определенного пола, с другой – испытывающих определенное давление аксиологически не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера” [там же: 35].

Одно из последних достижений отечественной лингвистической гендерологии (в основном проводимых Московской гендерологической школой под руководством А.В. Кирилиной) заключается в том, что роль гендерного параметра рассматривается системно:

- на микроуровне (гендерные предпочтения в использовании речевых средств в контексте коммуникативной ситуации и тактик общения),
- на макроуровне (уровне более широкого социокультурного контекста, связанного с соблюдением определенных правил и конвенций),
- на метаярвне (на уровне когнитивной базы говорящих, в которой присутствуют гендерные и иные стереотипы, преломленные культурной традицией), например при изучении успешности мужских и женских речевых тактик и т. д.

А.В. Кирилина формулирует ключевой вопрос, необходимый для всестороннего осмысления гендерных исследований в лингвистике: “Что может изменить в лингвистическом описании привнесение гендерного подхода?” И соответственно на него отвечает, полагая, что “гендерный подход представляет собой дальнейшее развитие антропоориентированного изучения языка и позволяет точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке, в результате чего может быть получено приращение знания как собственно лингвистического, так и междисциплинарного” [там же: 85].

Главную задачу гендерных исследований в языкознании А.В. Кирилина видит в установлении “общих закономерностей изучения феминности и маскулинности при помощи понятийного аппарата лингвистики. Из этого следует обобщающий подход к проблеме, направленный на разработку системного, научно обоснованного комплекса взаимодополняющих методик, основанных на следующих методологических принципах:

- признание гендера социально и культурно конструируемым феноменом;
- признание конвенционального характера гендера;
- признание манифестации гендера в языке;
- признание наличия в языке двух уровней – гендерного и метагендерного” [там же: 153].

Итак, что же в лингвистическое описание может привнести гендерный анализ речевых жанров?

Мы попытаемся в рамках данной работы провести небольшой гендерный анализ существующих речевых жанров и описать их с помощью критерия *маскулинности/феминности*, исходя из предположения, что все жанры можно как бы упорядочить относительно гендерной шкалы с полюсами, где на одном находится, образно говоря, как бы точка максимальной феминности (типично женский жанр), а на другом полюсе – маскулинности (типично мужской жанр). Согласно этой шкале, практически все речевые жанры могут быть упорядочены относительно гендерного параметра, начиная от чисто женских жанров (типа *посиделок*) и оканчивая чисто мужскими жанрами (*разговор по душам* или *застольная беседа*). В середине этой шкалы располагаются так называемые андрогинные или гендерные жанры, где взаимно силен как маскулинный, так и фемининный компонент: сюда могут быть отнесены речевые жанры *комплимента*, *светской беседы* или *флирта*. Существуют и жанры, которые могут быть в определенной ситуации нейтральны в отношении гендерной компоненты (*выступление перед парламентом премьер-министра*), или же выступать своеобразным катализатором для ее актуализации. Сюда может быть отнесен, например, речевой жанр *анекдота* [Слышкин 2002]. Естественно, каждый жанр не имеет на ней своего, только за ним закрепленного места и в зависимости от ряда факторов (степени их влияния на актуализацию гендерного параметра). Некоторые жанры в принципе могут легко перемещаться между полюсами шкалы, а место некоторых из них на этой шкале зафиксировано довольно жестко. Такая точка зрения вполне соответствует пониманию категории гендера Московской лингвистической школой [Кирилина 2003: 117].

Многочисленные исследования подтверждают гендерные различия в использовании определенных коммуникативных жанров и отдельными социальными группами [Schwitalla 1995; Keim 1997; Christmann 1999]. Так, Х. Коттхофф приводит пример жанра “застольная речь”, образующего в Грузии важное ритуальное действо и центральное средство в создании интерактивной конструкции “мужественность” [Kotthoff 1991]. Застольные речи в определенном контексте могут даже быть предметом состязания среди присутствующих за столом мужчин, причем те представители сильного пола, которые не владеют в должной степени указанным жанром и которым недостает риторических навыков, могут даже классифицироваться как “немужественные” [там же].

В русской коммуникативной культуре довольно сложно представить *посиделки в деревне на завалинке* как чисто мужской риторический жанр. На наш взгляд, это своеобразный эмоциональный вариант “small talk”, но с более интимной окраской: чисто по-женски посудачить вечером о сельских новостях или просто

о проходящих мимо людях. Причем, вероятно, этот жанр является специфической чертой русской коммуникативной культуры. Его можно соотнести с уникальностью мужского разговора по душам, существующего также только в русской коммуникативной культуре [Прохоров, Стернин 2002; Дементьев 2004].

Наряду с бурным развитием гендерных исследований усиливается и интерес современной лингвистики к анализу коммуникативного поведения, в т. ч. в парадигмальных рамках теории речевых жанров. Жанры рассматриваются в различных аспектах:

- общефилологическом (М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева),
- дискурсивном (И.Н. Борисова, М.Л. Макаров),
- стилистическом (М.Н. Кожина, Т.В. Матвеева, В.А. Салимовский),
- психолингвистическом (К.Ф. Седов),
- культурологическом (А. Вежицка, В.И. Карасик),
- риторическом (Я.Т. Рытникова, О.Б. Сиротинина),
- социопрагматическом (В.В. Дементьев, К.А. Долинин),
- коммуникативно-деятельностном (В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская),
- когнитивном (А.Г. Баранов, В.И. Провоторов).

Несмотря на большое количество столь разнообразных в методологическом плане работ по речевым жанрам (и отчасти как следствие этого), до сих пор не выработано определения основной единицы исследования, открытыми остаются вопросы типологии речевых жанров и принципы их описания.

В.В. Дементьев указывает, что в основу построения типологии речевых жанров разговорной речи может быть положено противопоставление следующих разграничительных признаков:

- первичные и вторичные жанры (по М.М. Бахтину);
- фатические и информативные;
- риторические и нериторические;
- конвенциональные и неконвенциональные;
- простые и сложные [Дементьев 2003: 85].

При этом, как полагает В.В. Дементьев, ведущая роль в разговорной речи принадлежит первичным непосредственным речевым жанрам. На их основе в опосредованных культурных сферах коммуникации развиваются разнообразные вторичные речевые жанры [там же].

Однако задача выделения неких оснований для построения непротиворечивой классификации еще далека до своего завершения и осложняется также отсутствием общепринятой терминологии для обозначения объекта жанроведческих исследований.

Мы обратили внимание на то, что у исследователей-германистов более предпочтительным является использование термина “тип текста” – по аналогии с немецким “Textsorte” [Гончарова 1999; Чернявская 2004] – для обозначения “культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием” [Чернявская 2004: 35].

В то же время русисты используют термин “речевой жанр”, понимая под жанром, вслед за Бахтиным, особые “типовые модели построения речевого целого” [Бахтин 1979: 307], которые в конкретной ситуации общения наполняются реальным содержанием [Шмелева 1997].

Таким образом, прослеживается определенная синонимичность понятий “речевой жанр” и “тип текста”. При этом встает вопрос о возможности одновременного существования и использования в научном дискурсе данных терминов. Возможный ответ кроется в принципе их иерархической организации. Так, у В.И. Провоторова понятия “тип текста” и “речевой жанр” соотносятся как общее и частное: “тип текста” является большей абстракцией, чем “жанр”. Каждый тип текста характеризуется набором реализующих его речевых жанров [Провоторов 2003].

В немецкой лингвистике текста существует относительное единомыслие в определении наиболее адекватных критериев для объединения частных текстов в функционально-жанровые типы. Среди классифицирующих критериев традиционно различают собственно лингвистические и экстралингвистические.

К лингвистическим критериям относят регулярно повторяемые в данном типе текста лексические, грамматические и стилистические особенности, а также особенности структуры текста (композиционно-речевые формы (*Themenentfaltung*), связь с другими текстами, членение текста и пр.) [см. Weingarten; Wikipedia].

В качестве экстралингвистических классифицирующих критериев учитываются:

- коммуникативная функция (информирование, декларация, оценка и др.);
- содержательно-тематический аспект;
- коммуникативная ситуация или условия (индивидуальная или массовая коммуникация; пропозиция как общий фон знаний коммуникантов; коммуникативная установка);
- канал общения (устное или письменное общение; монологическое или диалогическое; непосредственный или заочный контакт; статус коммуникантов) [Weingarten; Linke, Nussbaumer, Portmann 1994: 250].

На наш взгляд, к характеристике коммуникативной ситуации относятся также роли коммуникантов, создающие, наряду с прочими особенностями, микросреду коммуникации. В.И. Провоторов выделяет следующие роли, в которых выступают коммуниканты:

- статусные роли – это социальная характеристика коммуникантов (возраст, пол, национальность, социальный слой);
- позиционные роли – место в системе социальных отношений (начальник, подчиненный, учитель, ученик и т.д.);
- ситуационные роли (гость, друг, покупатель);
- личностные роли (друг, враг, отзывчивый человек, сплетник) [Провоторов 2003: 26].

По мнению исследователя, эти роли стереотипны и в существенной степени влияют на языковое оформление общения. При этом гендерная компонента тут может очень сильно проявляться и влиять на реализацию коммуникативной роли [Стернин 1999; 2001б; Гетте 2004].

Как уже говорилось выше, растущий интерес к проблеме речевых жанров влечет за собой возникновение новых моделей жанров и принципов их описания.

Очевидно, что все перечисленные жанровые признаки не являются равнозначными при создании текстовой классификации. Так, в коммуникативно-ориентированной лингвистике текста существуют различные интенциональные типологии, основанные на выделении различных коммуникативных целей.

В энциклопедическом словаре-справочнике “Культура русской речи” приводятся примеры интенциональных типологий речевых и текстовых жанров, получивших наибольшее распространение [2003].

При выделении интенциональных типов речевых жанров Т.В. Шмелева предлагает использовать идею “картографирования” действительности: все жанры могут быть распределены на четыре типа в зависимости от того, в какой “мир” направлена коммуникативная цель жанра – мир информации, реальных событий, оценок или социальных отношений [Шмелева 1997]. На основе *критерия коммуникативной цели* ученая различает четыре типа жанров: *информативные, императивные, оценочные и этикетные речевые жанры*.

К. Бринкер же, принимая *критерий функциональности* (функции) текста за основу для выделения типов текстов, предлагает выделять пять типов текста: *информативные, апеллятивные, облигативные, ориентированные на контакт и декларативные*. При этом автор данной модели различает функцию текста как выраженное традиционными, принятыми в обществе и закреплёнными в определенных коммуникативных формах средств намерение адресанта текста и “истинное намерение”. По мнению К. Бринкера, “истинное намерение” адресанта может не совпадать с функцией текста или же быть выражено в тексте неконвенционально [Brinker 1997].

Немецкие лингвисты С. Гюнтер и Х. Кноблаух, занимающиеся культурологическими исследованиями коммуникации, выделяют, помимо интра- и экстралингвистических признаков, еще один уровень актуализации речевых, или “коммуникативных”, жанров – уровень “интерактивной реализации” [Günthner, Knoblauch 1994]. По их мнению, этот уровень охватывает явления, относящиеся к интерактивному контексту диалогического обмена между коммуникантами. Основанием для выделения этого уровня актуализации речевых жанров послужили работы по конверсационному анализу. Так, в работе А. Померанц [Pomerantz 1984] было выявлено предпочтение структур, выражающих согласие с собеседником, в ситуациях типа *small talk*. Напротив, в речевых жанрах, относящихся к типу “диспут” (*Argumentationen*), предпочтения смещаются, и высказывания, в которых подчеркивается и фокусируется несогласие говорящего с предыдущим высказыванием, оказываются здесь предпочтительными [Kotthoff 1993; Keppler 1994]. К уровню интерактивной реализации относится также *формат высказывания*, сигнализирующий об отношении, в котором состоят коммуниканты с предметом высказывания: цитируют ли они других лиц или выражают собственное мнение, описывают собственный опыт и пр.

Таким образом, изучение коммуникативного пространства с учетом гендерного параметра может дать более четкую и дифференцированную картину его структуризации в целом с учетом жанрового разнообразия.

Можно утверждать также, что наше коммуникативное пространство устроено оппозитивно относительно гендерного параметра. Осязаемая и достаточно легко формализуемая гендерная компонента пронизывает его насквозь, начиная от гендерного построения коммуникативного идеала и оканчивая всей структурой коммуникации. Является актуальным изучение речевых жанров в плане особенностей реализации в них гендерной компоненты в зависимости от языка и типа культуры, поскольку гендерный подход, являющийся продолжением антропоориентированного подхода в языкознании, позволяет расширить наше знание о природе коммуникации как на лингвистическом, так и на междисциплинарном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Берн Ш. Гендерная психология, СПб.; М., 2002.
- Вейлерт А.А. О зависимости количественных показателей языка от пола говорящего // Вопросы языкознания. 1976. № 5.
- Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. М., 2001.
- Гендер как интрига познания. М., 2000.
- Гендер как интрига познания. М., 2002.

- Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 1999-2003.
- Гетте Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: Дис. ... канд. филол. наук, Воронеж, 2004.
- Гомон Т.В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой: Дис. ... канд. юрид. наук, М., 1994.
- Гончарова Е.А. Стиль как антропоцентрическая категория // *Studia Linguistica*. СПб., 1999. Вып. 8.
- Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук, М., 1996.
- Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма, М.; Харьков, 2003.
- Дементьев В.В. Традиции изучения жанров в русской разговорной речи в саратовской лингвистике // *Проблемы речевой коммуникации*, Саратов, 2003. Вып. 3.
- Дементьев В.В. Гендер и жанр: мужской и женский варианты русского речевого жанра "разговор по душам" // *Stylistika XIII*. Opole, 2004.
- Демичева В.В. Наименование лиц женского пола в русском литературном языке 18-го века: Дис. ... канд. филол. наук, Воронеж, 1996.
- Долнин К.А. Интерпретация текста. М., 1985.
- Еременко О.И. Наименование лиц женского пола в русском литературном языке 19-го века: Дис. ... канд. филол. наук, Воронеж, 1998.
- Ерофеева Е.В. К вопросу о фонетических характеристиках речи мужчин и женщин // *Русский язык сегодня*, М., 2000.
- Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании*, М., 1993.
- Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук, М., 2002.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Кашианова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта "любовь" (аспектный анализ): Дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 1997.
- Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты, М., 1999.
- Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. ... докт. филол. наук, М., 2000.
- Кирилина А.В. Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике // *Beiträge des Gender-Blocks zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15-21. August 2003*, München: Verlag Otto Sagner, 2003.
- Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации, М., 2004.
- Клещин А.А. Предисловие редактора // *Гендерные тетради*. СПб., 1997. Вып. 1.
- Колосова О.Н. Когнитивные основания языковых категорий: на материале современного английского языка: Дис. ... докт. филол. наук, М., 1996.
- Кронгауз М.А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика*. М., 1996.
- Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // *Проблемы психолингвистики*, М., 1975.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
- Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина/Женщина) // *Фразеология в контексте культуры*, М., 1999.
- Моисеев А.И. Наименование лиц по профессии в современном русском языке: Дис. ... докт. филол. наук, Л., 1985.
- Периай А. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // *Гендерные исследования*. Харьков, 2002. № 7-8.
- Потапов В.В. Язык мужчин и женщин: фонетическая дифференциация // *Изв. АН РАН. Серия литературы и языка*. 1997. Том 56. № 3.
- Потапова Р.К. Сексолог как объект исследования в криминалистике // *Гендер: язык, культура, коммуникация*. М., 2001.
- Провоторов В.И. Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка). М., 2003.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение, М., 2002.
- Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // *Женщина, гендер, культура*, М., 1999.
- Пушкарёва Н.Л. Женская история, гендерная история: сходства, отличия, перспективы // *Социальная история. Ежегодник 2003*, М., 2004.
- Рытникова Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Рябов О.В. "Матушка-Русь": Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.
- Седов К.Ф. Человек в повседневном общении // *Повседневность российской провинции: история, язык и пространство*. Казань, 2002.
- Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // *Гендер как интрига познания*. М., 2002.
- Стернин И.А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // *Жанры речи*. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Стернин И.А. Коммуникативный идеал в гендерном аспекте // *Гендер: язык, культура, коммуникация*. М., 2001. (Стернин 2001а)
- Стернин И.А. Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж, 2001. (Стернин 2001б)
- Халеева И.И. Гендер как интрига познания // *Гендерный фактор в языке и коммуникации*. Иваново, 1999.
- Холод А.М. Прагматические характеристики родовых форм русских имен существительных и прилагательных: Дис. ... канд. филол. наук, Киев, 1994.
- Холод А.М. Речевые картины мира мужчин и женщин. Днепрпетровск, 1997.
- Хрестоматия 2001 – Хрестоматия к курсу "Основы гендерных исследований". М., 2001.
- Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. СПб., 2004.
- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып. 1.
- Щеглова С.Н. Гендерные модели поведения: анализ школьных учебников // *Женщины России на рубеже XX-XXI веков*. Иваново, 1998.
- Aries E. Men and Women in Interaction: Reconsidering the Differences. New York: Oxford University Press, 1996.
- Bergvall V. Toward a comprehensive theory of language and gender research // *Language in Society*, 1999, № 28.
- Brinker K. Linguistische Analyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, 1997.
- Bucholtz M., Hall K. Theorizing identity in language and sexuality research // *Language in Society*, 2004, № 3.
- Cameron D. Feminism and Linguistic Theory, New York: Palgrave, 1985.
- Cameron D. Verbal Hygiene, London: Routledge, 1995.
- Cameron D., Kulick D. Language and Sexuality, Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Christmann G.-B. Sich-Beklagen in Ökologiegruppen // *Kommunikative Konstruktion von Moral*. Band 1. Bergmann J., Luckmann Th. (Hrsg.). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1999.
- Eckert P., McConnell-Ginet S. New generalizations and explanations in language and gender research // *Language in Society*, 1999, № 28.
- Gendered Practices in Language / Ed. By S. Benor, M. Rose and D. Sharma, CSLI Publications: Stanford, 2002.
- Günthner S., Knoblauch H. "Forms are the Food of Faith". Gattungen als Muster kommunikativen Handelns // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 4. 1994.
- Holmes J., Meyerhoff M. The Community of Practice: Theories and methodologies in language and gender research // *Language in Society*. 1999. № 28.

- Keim I.* Formelhaftes Sprechen als konstitutives Merkmal sozialen Stils // Sprech- und Gesprächsstile. Sandig B., Selting M. (Hrsg.). Berlin: de Gruyter, 1997.
- Kendall S., Tannen D.* Discourse and gender // The Handbook of Discourse Analysis, Oxford: Blackwell, 2001.
- Keppler A.* Tischgespräche. Frankfurt: Suhrkamp, 1994.
- Kotthoff H.* Der Tamada gibt bei Tisch den Ton an. Tafelsitten, Trinksprüche und Geschlechterrollen im kaukasischen Georgien // Von fremden Stimmen. Günthner S., Kotthoff H. (Hrsg.). Frankfurt: Suhrkamp, 1991.
- Kotthoff H.* Disagreement and concession in disputes. On the context sensitivity of preference structure // Language in Society, 22: 1993.
- Kulick D.* No // Language and Communication. 2004. № 23.
- Language and Sexuality: Contesting Meaning in Theory and Practice, CSLI Publications: Stanford, 2002.
- Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.R.* Studienbuch Linguistik. Tübingen, 1994.
- Pauwells A.* Women Changing Language, Longman: London; New York, 1998.
- Pomerantz A.* Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/ dispreferred turn shapes // Structures of social action: Studies in conversation analysis. (Atkinson J.M., Heritage J. (Edts.) Cambridge, 1984.
- Romanie S.* Communicating Gender, Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Schwitalla J.* Sprachliche Ausdrucksformen für soziale Identität beim Erzählen // Kommunikation in der Stadt. Kallmeyer W. (Hrsg.). Berlin; New York: de Gruyter, 1995.
- Stokoe E.H., Weatherall A.* (eds.) Gender, language, conversation analysis and feminism // Special Issue of Discourse and Society 13 (6). 2002.
- Valentine D.* "I went to bed with my own kind once": The erasure of desire in the name of identity // Language and Communication, 2002, № 23.
- Weatherall A.* Gender, Language and Discourse. Routledge, 2002.
- Weingarten R.*: <http://www.ruediger-weingarten.de/>
- Wikipedia die freie Enzyklopädie: <http://de.wikipedia.org/wiki/Textsorte>
- Wodak R.* (ed.) Gender and Discourse, London: Sage Publication, 1997.